

Донатас Банионис — Почетный гражданин СССР

Каждый год гражданин Литвы Донатас Банионис приезжает в Питер на фестиваль «Балтийский дом» и работает в жюри. И каждый раз те, кто встречается с ним впервые, искренне удивляются, что он говорит с акцентом. Потому что он до сих пор остается самым настоящим народным артистом СССР старой благородной пробы. Сейчас таких уже не делают. Общается он уникально — с чисто западным чувством собственного достоинства, но по-русски запросто. Брать интервью у него сложно, потому что он прекрасно владеет жанром официальной беседы. Поэтому диктофон лучше включать тайком во время непринужденного разговора, когда его феноменальная память и ярчайшая актерская фантазия ничем не стеснены. И если бы я догадалась это сделать, то за время, пока мы путешествовали с Балтийским фестивалем по Прибалтике, на пленке запечатлелся бы целый приключенческий роман. А также полная, энциклопедически достоверная история Литвы, по которой Банионис «фланирует» абсолютно свободно. Но, к сожалению, диктофон заработал уже только в Питере, где в продолжение прежних бесед я все-таки попыталась выяснить, как случилось, что, родившись в Каунасе в рабочей семье, он ухитрился пробиться в актеры.

— Я действительно родился в Каунасе — в то время это была столица Литвы, поскольку Вильнюс до 1939 года принадлежал Польше. Мой отец был портной, но участвовал в самодеятельности и вообще был довольно прогрессивным человеком. Характер у него был экспансивный. Так что однажды он решил поехать в Америку. Но в Америку в то время было трудно попасть, поэтому он отправился в Бразилию. А я, моя мама и моя сестра должны были остаться в Каунасе и ждать, пока он там устроится и заберет нас к себе. Но отец был человеком левых убеждений, а в Бразилии вскоре установился профашистский режим. В результате всех коммунистов арестовали, в том числе и моего отца. Полгода он просидел там в тюрьме, после чего его выслали из страны. Так мы остались в Литве.

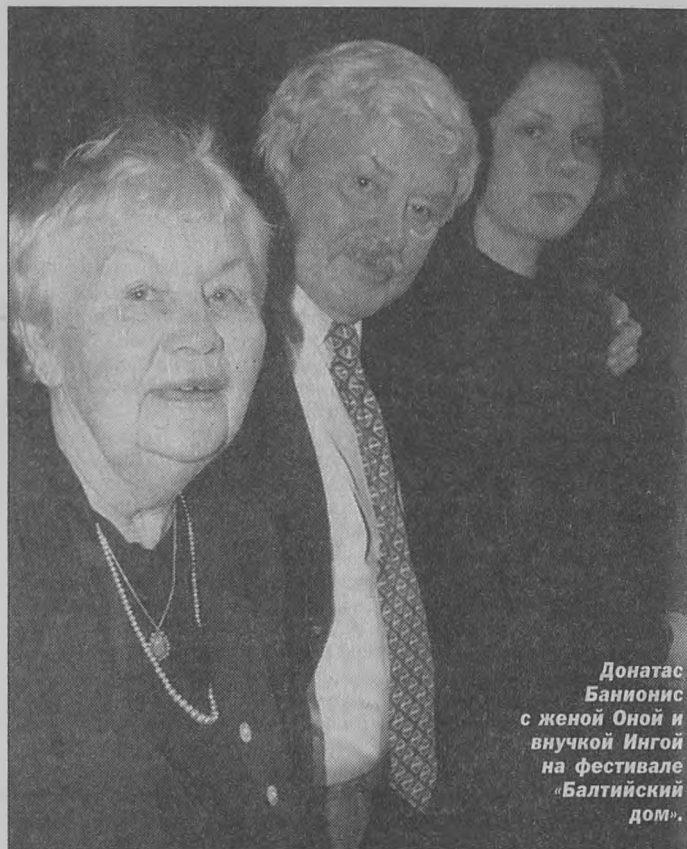
Именно отец решил, что я должен обучиться ремеслу. Так в 1937 году я поступил в ремесленную школу на керамическое отделение. Там я нашел друзей, которые, как и я, любили играть на сцене, — и мы вместе участвовали в различных праздничных спектаклях.

А в то время в так называемой «Рабочей палате» был организован любительский театр, похожий на те, что в советские времена существовали при домах культуры. Меня туда не приняли. И вот я ду-

мал, что завербуюсь юнгой на корабль, плывущий в Америку, а там буду мыть посуду в Голливуде — и стану большим актером. Еще я очень любил ходить в кино — пробивался всеми правдами и неправдами, за деньги и без денег. А кроме того, я всегда испытывал желание быть другим, не тем, кто я есть на самом деле.

И вот в 1939 году, который стал для меня решающим, режиссеру Юозасу Мильтинису, который до этого учился в Париже у Шарля Дюллена вместе с Жаном-Луи Барро, Мадлен Рено, Жаном Виларом, предложил взять эту самодеятельную группу при «Рабочей палате» и сделать свой театр. И он взялся. А я за это время через знакомых пробился в Национальный театр — статистом. В опере «Кармен», например, я просто стоял с факелом. Но эта работа давала мне право ходить в театр бесплатно. А тут как раз пришла советская власть.

Тогда сразу стали говорить о том, что пролетариату все дороги открыты. В частности, было принято решение создавать новый театр из рабочей молодежи. Мои друзья из «Рабочей палаты» пробивались к правительству с просьбой создать профессиональный театр из их кружка и получили согласие. Но нужно было еще выбрать город. В то время в Каунасе, Вильнюсе,



Донатас Банионис с женой Оной и внучкой Ингой на фестивале «Балтийский дом».

Шяуляе театры уже существовали. Оставалось города два-три. Выбрали Паневежис. Уже в январе 41-го в Паневежисе было выделено здание. Переехали и пять моих друзей, а я заканчивал керамическую школу и с ними переписывался. 15 марта 1941 года театр открылся, а в конце мая приехал на гастроли в Каунас и уже привез два спектакля: «Пядь серебряная» Погодина и «Вольпоне» Бен Джонсона. Тогда мой друг по фамилии Блэдис, который успел за два месяца стать настоящим актером, привел меня за кулисы к Мильтинису и сказал: «Вот это тот самый Донатас, о котором я говорил и который хочет быть артистом». На следующий день я поехал за город, туда, где остановился Мильтинис, на прослушивание. Мы вышли в садик, он сел на скамеечку — и я прочитал ему несколько стихотворений. Тут же он сказал: «Хорошо, едем». На-

завтра я уже собирал свой чемоданчик. Отец, конечно, очень скептически на это смотрел: мол, поездишь и вернешься. Я сел в автобус и отправился со своими друзьями в Паневежис. А 1 июня вышел приказ о том, что Банионис принимается кандидатом в театральную студию.

У Мильтиниса был принцип — не принимать в театр ни одного актера со стороны. Потому что в студии мы проходили подготовку по той же системе, по которой сам Мильтинис учился у Дюллена. Впервые на паневежскую сцену я вышел в массовке в роли заключенного, которого отправили в тюрьму за коммунистические убеждения. Это было за неделю до войны.

А через десять дней после этого в Литву пришли немцы. Но Литва их мало интересовала — они стремились в Россию. Поэтому жили мы относительно спокойно. Театр

остался работать. Для нового сезона Мильтинис выбрал пьесу «Поросль», о гимназистах. И поручил мне одну из главных ролей. Пьеса была сентиментальной и довольно известной в Литве. Я играл в ней молодого человека по имени Ясус, а по сути — самого себя. И был успех. Обо мне стали писать. Потом я сыграл еще несколько ролей — лучше или хуже. А последней моей ролью в предвоенный период стала роль итальянского маркиза в «Генрихе IV» Пиранделло.

— Во время войны вас не пытались призвать в армию?

— Нет, в то время Сталин уже выпустил закон, по которому актеры от армии освобождались. Так что мы продолжали работать в театре. А настоящий успех пришел уже после войны — я сыграл деревенского парня в классической литовской социальной пьесе «В сумраке». Я к этому времени уже понял, что такое театральная игра, и не опирался больше на своего Ясуса. А потом, в 45-м, я сыграл Андрея в «Женитьбе Белугина». Тут я уже чувствовал сцену.

Ну а потом пошли уже сильные работы — Тесман в «Гедде Габлер», Вили Ломен в «Смерти коммивояжера». Но все эти достижения случились только благодаря режиссеру. Без режиссера ни один актер ничего сделать не может. Это нельзя не понимать. Мильтинис меня ругал, ломал, но делал из меня то, что нужно было ему для спектаклей. А в результате только благодаря ему я стал актером. Так же, как артиста кино сделал из меня Желакявичус.

— Но Мильтинис ведь не питал иллюзий по поводу коммунистического режима?

— Нет. Он никогда не был в партии. А в 1954 году его даже обвинили в космополитизме и выгнали из театра.

— А вам пришлось быть коммунистом?

— Да, с 1962 года. Когда Мильтиниса выгнали, в театре была создана партийная организация. Она и стала хлопотать о том, чтобы взять его на поруки. Мне мои друзья все время говорили: «Донатас, ты уже становишься знаменитым,

нельзя тебе оставаться беспартийным». Тогда я присоединился, но был уже пятнадцатым.

— Вы не пострадали от советской власти?

— Я — нет, наоборот: мой отец был парторгом на швейной фабрике. Но моя жена страшно пострадала. Мы с ней познакомились в театре в 1944 году. Но когда ее отца арестовали, она бежала из Паневежиса в Вильнюс. Там она поступила в университет по поддельным документам. Но и оттуда пришлось бежать. В 48-м она вернулась в театр — и тогда мы уже подружались. А когда объявили о свадьбе, меня вызвал к себе кадровик, отговаривал: «Что ты делаешь, она же кулачка! Если ты женишься на ней, твоей карьере конец». А это еще при Сталине! Но мне было наплевать. Венчались мы в костеле. И первого сына крестили в костеле.

— У нас в это время в церкви уже не венчались.

— У нас вскоре тоже перестали, но в то время эта традиция еще сохранялась. Тем более что я — беспартийный, она — кулачка.

— А Мильтиниса удалось вернуть в театр?

— Да, в 59-м. Он даже спектакли ставил, но контрабандой. Скажем, «Гедду Габлер» ставил он, а на афише стояла фамилия того самого Блэдиса.

— А когда вас впервые выпустили за границу?

— В 1962 году я поехал в Варшаву как турист. А в 66-м — в Чехословакию, в Карловы Вары, там я получил главный приз за фильм «Никто не хотел умирать». Потом мы поехали в Югославию. А уже в 70-м — в Италию. Но это был совместный советско-итальянский проект — фильм «Красная палатка». Там снимались Клаудиа Кардинале, Шон Коннери, Никита Михалков. Для меня Италия была сказкой.

— А в Америке вы как оказались?

— В 1968 году Мильтинис поставил пьесу литовского классика Сруоги. А дочь его сбежала в Америку в 44-м. И она приехала посмотреть спектакль, который поставлен по пьесе отца. Потом она

прислала мне приглашение. Я был третьим литовцем, которого выпустили в Америку. Причем как частное лицо. За полгода я успел объехать всю страну.

— Но такого потрясения, как в Италии, вы уже не испытали?

— Испытал. Но если в Италии потрясли достижения культуры и искусства, то в Америке другое потрясло — соседство богатства и нищеты.

— Вас не боялись как коммуниста?

— По-разному было. Были те, которые считали, что раз меня выпустили — значит, я коммунист по убеждениям. Но большинство понимало, что нас оккупировали, мы не сами выбрали этот путь — и литовцы должны держаться вместе.

— А что сейчас происходит в Литве — возвращаются люди культуры, скажем, из Америки?

— Нет, почти нет. Больше уезжают. Особенно молодежь. Там легче устроиться материально. Едут учиться — потом остаются работать. В России ведь то же самое происходит.

— У нас это воспринимается как проблема перекачки мозгов.

— А так и есть. Нас это тоже волнует. Политики пытаются решать эту проблему. Вот сын Адомайтиса, нашего актера, он там долго прожил. Сейчас, правда, вернулся. Мы ничего не имели против того, чтобы внучка Инга там училась. Но сейчас все-таки она заканчивает институт в Литве — она уже бакалавр.

— Меня потрясло, что ваша внучка сейчас впервые оказалась в России.

— Да, но ведь когда Литва отделилась, ей было всего десять лет, а потом — не было возможности. Эти связи рвутся быстро — за последние десять лет выросло новое поколение.

— Но ведь вы, Донатас, любите приезжать в Россию, правда? Вам здесь хорошо?

— Да-да! Ну, что там говорить. Это не связано с проблемами — их у вас больше, чем у нас. И преступность больше. И потом новые русские, которые сразу разбогатели... Мне неприятно это знать, но это ваши проб-

лемы, я в них не вмешиваюсь. — У вас нет такой разницы между «новыми» и «старыми» литовцами?

— Нет, у нас меньше есть что воровать, чем у вас. Конечно, есть разница, но «ножницы» — поменьше.

— Я слышала, что у вас в отличие от нас возвращают присвоенную большевиками собственность?

— Да. Вот, скажем, моей жене Оне вернули восемьдесят гектаров земли. Но поскольку их было четверо детей — мы теперь владеем двадцатью гектарами. Сдаем в аренду.

— Вы сейчас продолжаете играть в своем театре?

— Да, когда Мильтинис ушел, были четыре очень неприятных для меня года, когда мне пришлось руководить театром. Но потом я нашел себе замену — и остался просто актером. Но все равно это уже не театр: нет Мильтиниса — нет театра.

— У вас сейчас есть какое-нибудь национальное почетное звание — типа почетный гражданин Литвы?

— У нас нет звания почетный гражданин Литвы. Только почетный гражданин Паневежиса. У меня диплом красивый, который я все время убираю, а жена возвращает на почетное место. Еще есть национальный орден Князя Гедиминаса.

— Но согласитесь, что здесь, в России, вас больше любят.

— Да, это, конечно, так. Может быть, в своем краю трудно быть пророком. Но я могу только кланяться и благодарить российских зрителей. И больше ничего не могу добавить, кроме «спасибо, спасибо». Такого зрителя я не имею больше нигде. Кстати, когда отмечали мой юбилей в Литве, в театре, 28 апреля, — первым пришло поздравление от Ельцина.

А потом мне сразу вручили орден Дружбы, который тоже пришел из России. И вручали в российском посольстве, где устроили официальное чествование. Что тут еще можно сказать...

Беседовала Жанна ЗАРЕЦКАЯ
Фото Владимира ПОСТНОВА